

между Толстымъ и Гришей всталъ Нехлюдовъ. Толстой умилялся надъ Гришей, *стоя въ чуланѣ*, для Гриши невидимый, скрытый темнотою ночи. Его *всего* здѣсь не было, было одно только гениальное его *зрѣніе*. Въ минуты незабвеннаго восторга надъ Гришей Толстой весь превратился въ созерцаніе, *отождествился* съ тѣмъ, что ему видѣлось, и потому-то Гриша *безпрепятственно* вошелъ въ его дѣтскую душу. Впослѣдствіи Толстой не разъ видѣлъ „старцевъ“, этихъ родныхъ братьевъ и духовныхъ отцовъ Гриши, но уже безкорыстно, художественно узрѣть ихъ *онъ не могъ*. Раздѣляло „тѣло“,—*онъ самъ*. Тамъ, умиляясь Гришей, онъ въ порывѣ чистаго дѣтскаго чувства *забылъ себя*, обезпамятѣлъ на *все свое*, и душа его, свободная отъ оковъ эмпирической личности, постигла непостижимое. Здѣсь передъ старцами былъ уже Толстой, измышляющій *свою* вѣру, желающій не столько увидѣть, сколько поучить, не столько постигнуть, сколько сказать „свое“, не столько склониться ницъ, сколько повѣрить разсудкомъ. Нехлюдовская *самость* Толстого отдѣлила его навѣки отъ Гришъ и закрыла отъ него то, что самъ онъ постигнулъ въ дѣтствѣ. Толстой не могъ не чувствовать чего-то вышшаго въ старцахъ. „Этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ, и какъ-то легко и отрадно стало у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то *чувствуешь близость Бога*“. Но тутъ же К. Н. Леонтьеву о старцѣ Амвросіи Толстой говорить: „Онъ преподаетъ Евангеліе, только не совсѣмъ чистое, а вотъ на, возьми *мое* Евангеліе“. Мы понимаемъ возмущеніе Леонтьева. Если бы Хлестаковъ, стукнувъ по колѣну Толстого, сказалъ ему: „Молодецъ, хорошо пишешь. Только у тебя, братъ, слишкомъ много художественности, давай я тебя передѣлаю“,—это было бы гораздо невиннѣе и эстетичнѣе. Нехлюдовъ уже прочно засѣлъ въ Толстого, и Толстой видя не видѣлъ и слыша не слышалъ, потому что „ожесточилось сердце его“.

При входѣ къ старцу Толстой поцѣловалъ его руку, а когда сталъ прощаться, то, чтобы избѣжать благословенія, поцѣловалъ его въ щеку. „*Гордо очень*“,—вотъ приговоръ старца. Достоевскій при всей своей исключительной сложности былъ *проще*. Къ такимъ уловкамъ не прибѣгалъ. Въ чуланѣ Толстой по чувству своему *цѣловалъ ноги у Гриши*,—тамъ могъ онъ быть во всю мѣру души своей искреннимъ; въ кельѣ же старца, съ проглочен-